

Радзецкая Ольга Владимировна

кандидат культурологии, доцент
Государственной классической академии
им. Маймонида, Москва

**ЕВРАЗИЙСКИЙ РАКУРС
В НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
НАРОДНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ
ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА**

Radzetskaya Olga Vladimirovna

PhD in Cultural Science,
Assistant Professor,
Maimonides State Classical Academy (Moscow)

**EURASIAN PERSPECTIVE
IN THE RESEARCHES OF
FOLK INSTRUMENTS OF
THE VOLGA-URAL REGION**

Аннотация:

В статье рассматриваются научные направления, создающие представление о евразийской природе инструментальных фольклорных традиций. Музыкальные параллели и взаимодействия, их пространственно-временной сплав, характерны и для народных инструментов мордвы. Это сопровождается рядом гипотез, которые сами по себе заслуживают внимания по причине нового взгляда на универсальные исследовательские поиски.

Ключевые слова:

этнический, Волго-Уральский регион, народные инструменты, евразийство, исследования, мордва, научные школы, хордофон.

Summary:

The article examines the research areas, providing an idea about the Eurasian origin of the instrumental folk traditions. Musical parallels and interactions, their spatio-temporal fusion are typical for the folk instruments of Mordvinians. The phenomenon is explained by a number of hypotheses, which are interesting for the new interpretation of the universal research.

Keywords:

ethnic, Volga-Ural region, folk instruments, Eurasianism, research, Mordovians, scientific schools chordophone.

Музыкальная культура Волго-Уральского региона создает особое проекционное видение, в котором раскрываются глобальные и локальные смысловые ориентиры. Каждый из них представляет свой уровень диалоговых отношений Востока и Запада, внося свой вклад в мировое музыкальное наследие. Такая диалектика является отражением генетического развития тех народностей, которые находятся в центре евразийской динамики и, благодаря ее энергии, приобретают уникальные черты, создающие неповторимую музыкальную образность. Поэтому, особенный интерес в этом контексте вызывает этническая матрица, в которой собрана вся полифония евразийских созвучий.

Временные и пространственные переключки обладают свойством тонко обрисовывать актуальные бытийные грани, благодаря которым инструментальная палитра фольклорного наследия становится материалом для построения научно-исследовательских концепций, выходящих из культурного рельефа языческой старины.

Большим потенциалом в изучении межкультурных проблем обладают этнические научные школы, чья творческая энергия придает значительность и масштаб евразийским тематическим направлениям. В них рассматриваются различные гипотезы о развитии инструментальных фольклорных традиций и анализируются процессы, происходящие в академической музыкальной культуре.

Волго-Уральский научный корпус представлен трудами мордовских ученых, среди которых крупные и разносторонние исследования Н.И. Бояркина, Л.Б. Бояркиной, Н.Е. Булычевой, Г.И. Сураева-Королева и других, посвященных целому ряду проблем этномузыкального и подерживающих идею музыкального синтеза в древнем инструментальном искусстве мордвы.

Этот же ракурс присутствует в работах татарского искусствоведа Г.М. Макарова, сделавшего попытку сравнительного анализа терминологии народных музыкальных инструментов, бытующих в культуре тюркоязычных и финно-угорских народов Волго-Камья. Близки ему по смыслу статьи И.В. Пчеловодовой и книги И.В. Тараканова, в которых рассматриваются евразийские переключки в лексике и народном инструментарии удмуртов. Исследования О.М. Герасимова раскрывают исторические грани фольклорных инструментальных традиций мари и созвучны контексту межэтнических взаимодействий. В них включаются труды Н.Ю. Альмеевой, А.Н. Голубковой, М.Г. Кондратьева, Р.Г. Рахимова, И.Б. Семаковой и других авторов, идущих в родственных друг другу научных направлениях. Рядом с ними значительные и актуальные монографии, книги, статьи, очерки ученых-музыковедов, их изучения природы этнического музыкального языка, академических инструментальных жанров. В Мордовии –

это Н.И. Бояркин, И.А. Галкина, А.И. Макарова, Н.М. Ситникова; в Удмуртии – И.Н. Греховодов, Ю.Л. Толкач, Е.Л. Хакимова, Р.А. Чуракова; в Марий Эл – О.М. Герасимов, Л.В. Казанская, А.А. Кондратьев, М.Н. Мамаев, Л.А. Новоселова, Ю.Ю. Цыкина; в Башкирии – Н.В. Ахметжанова, Н.Ф. Гарипова; в Татарстане – Ш.Х. Монасыпов, В.М. Спиридонова и другие.

Находясь в контексте евразийских научно-исследовательских прочтений, интересным примером в Волго-Уральском регионе выглядит корпус фрикционных хордофонов, к числу которых относится и мордовская скрипка – *гарзе*, *стрелка* (мокш.) и *кайга* (от эрз. гайгемс – звенеть). Скрипка, как народный инструмент, имеет широкую этническую географию. Она гармонично входит в фольклорные миры как финно-угорских, так и тюркоязычных народов – татар и башкир. К примеру, этимология слова *гарзе*, как считает Н.И. Бояркин, «восходит к пермско-финно-угорскому *курезь* (“музыкальный инструмент” или “музыкальное исполнение”)» и распространяется в родственных этнических группах: у мари в горномарийском диалекте как *кюсле*, *кярш*, *кярм*, переключаясь по своему типу с финскими и карельскими струнно-щипковыми кантеле. Прослеживаются взаимосвязи с удмуртскими названиями *крэзь*, *кырез* и коми – *крэзь си* [1, с. 72–73].

Евразийский колорит в корпусе фрикционных хордофонов можно ощутить при детальном обращении к их конструкции, на что делает акцент И.Б. Семакова. Включая в круг научной информации материал, собранный С.Н. Кунгуровым, она развивает мысль о том, что есть все предпосылки считать основным местом возникновения данных инструментов Центральную Азию по признаку строения подставки под струны, которая была цельной и имела мостообразную форму. «Именно в таком виде фрикционные хордофоны были заимствованы кочевыми народами Азии, этносами Китая, Индии, Междуречья, Европы, а также самостоятельно финно-угорскими народами Сибири, Поволжья, Северного Урала и, вероятно, карелами и древними новгородцами» [2, с. 104; 3].

Обращение к специфике и бытованию этого инструмента вызвано появлением различных мнений о ее автохтонном происхождении. И.Б. Семакова рассуждает о том, что «сомнение об аутентичности в традициях мордвы вызывает единственный фрикционный хордофон – скрипка. Не исключено, что скрипка либо заменила ранее существовавший аутентичный хордофон мордовского народа (так произошло, например, у марийцев, чувашей, татар, финнов, карелов, эстонцев и других народов), либо была заимствована и адаптирована в собственной этнокультурной среде в достаточно позднее время» [4].

В мордовской народной музыкальной терминологии есть звукоподражательные слова, которые по слуху ассоциативно приближаются к звучанию того или иного инструмента. На этот факт обращает внимание Л.Б. Бояркина, показывая возможные сочетания, в которые вошли следующие формулы: *гай-гай*, *горь-горь* (звучание *баягинеть*, *пайгонят* – колокольчиков), *дель-дер*, *дири-дири* (звучание струнных смычковых инструментов), *калцт-калцт*, *кальхцк-кальхцк* (кальцаемат – тип ксилофона) и т.д.» [5, с. 121]. Одной из фонетических характеристик, близкой к мордовской скрипке, видятся созвучия *гай-гай* и *горь-горь*, выходящие за пределы звукового ряда колокольчиков – идиофонов. Н.И. Бояркин говорит о едином смысловом источнике в языковой среде мокши и эрзи, где корень *гай* связан с разными инструментами – идиофоном *пайгонят* и однострунным хордофоном *гайдяма/гайтяма*.

В дополнение, важные подробности этого научного диалога содержит исследование Н.И. Бояркина, который подробно остановился на особенностях возникновения и распространения *гарзе/кайга* в музыкальной жизни мордовского этноса. Одна из возможных версий появления в мордовском фольклоре скрипки относится к культуре немцев Поволжья по близкому смыслу и произношению – *die Geige* (скрипка – немецкий язык), но опровергается ученым по факту ее более раннего появления в истории, в частности, у эрзи [6]. Он считает, что этот инструмент является непременным атрибутом фольклорного наследия мордвы, символом ее яркой музыкальности, поскольку имеет древнюю и преемственную традицию. Это является одним из характерных штрихов, способствующих восприятию данного явления как этнической скрипичной школы, имеющей исполнителей, обладающих профессиональным мастерством и сохраняющих колорит мордовской инструментальной музыки.

В этом направлении родственные характеристики можно найти и в описании роли и значения башкирской скрипки для тюркоязычных традиций Волго-Уралья. Причем, сходство ее инструментальной фактуры с мордовской *гарзе/кайга* основывается на тяготении к многоголосному ведению музыкального материала. Р.Г. Рахимов замечает, что «современное исполнительство демонстрирует массовые случаи проявления многоголосных элементов как явных структурных, так и латентных ритмоартикуляционных». А также, проводя записи игры на скрипке в этнографических экспедициях, пишет о том, что «несмотря на нашу просьбу играть без бурдюнирующего захвата открытых струн, исполнитель не удержался от использования наигранных вариантов с открытыми струнами в устоях и полуустах наигрыша» [7, с. 121–122].

Благодаря региональным интеллектуальным практикам становится возможным ощутить пространственно-временную динамику и своеобразие процессов культурного синтеза в камерно-инструментальной и ансамблевой музыке Мордовии. Создание научно-исследовательского объема позволяет представить этническую инструментальную культуру как явление, в котором отразилась первозданная природа древнего музыкального сознания и мышления, основанная на пространственно-временном диалоге Востока и Запада.

Таким образом, данный контекст интересен с точки зрения сложившихся историко-культурных оснований, формирующих ассоциативные восприятие двух музыкальных пространств – западного и восточного, как взаимообусловленных величин, дополняющих друг друга в едином смысловом масштабе евразийской доминанты.

Ссылки:

1. Бояркин Н.И. Мордовская народная музыка: многоголосные инструментальные традиции: учеб. пособие. Ч. 1. Саранск, 2004. 140 с.
2. Семакова И.Б. О проблемах развития традиционных смычковых хордофонов финно-угорских и соседних с ними народов // Ежегодник финно-угорских исследований. Вып. 3. Ижевск, 2010. 160 с.
3. Кунгуров С.Н. Удмуртские традиционные музыкальные инструменты. Ижевск, 1994. 29 с.
4. Семакова И.Б. Указ. соч. С. 97.
5. Бояркина Л.Б. Хоровая культура Мордовии: фольклор, традиции и современность: энцикл. справ. Саранск, 2006. 272 с.
6. Бояркин Н.И. Указ. соч. С. 72–73.
7. Рахимов Р.Г. Башкирская народная инструментальная культура: этноорганологическое исследование. Уфа, 2010. 188 с.

References:

1. Boyarkin, NI 2004, *Mordovia folk music: instrumental polyphonic tradition*, manual, part 1, Saransk, 140 p.
2. Semakova, IB 2010, 'On the problems of the development of traditional stringed chordophones Finno-Ugric and neighboring peoples', *Yearbook of the Finno-Ugric studies*, issue 3, Izhevsk, 160 p.
3. Kungurov, SN 1994, *Udmurtskie traditional musical instruments*, Izhevsk, 29 p.
4. Semakova, IB 2010, 'On the problems of the development of traditional stringed chordophones Finno-Ugric and neighboring peoples', *Yearbook of the Finno-Ugric studies*, issue 3, Izhevsk, p. 97.
5. Boyarkina, LB 2006, *Choral Mordovia culture: folklore, tradition and modernity*, Saransk, 272 p.
6. Boyarkin, NI 2004, *Mordovia folk music: instrumental polyphonic tradition*, manual, part 1, Saransk, p. 72-73.
7. Rakhimov, RG 2010, *Bashkir folk instrumental culture: ethnoorganology study*, Ufa, 188 p.